

Г.Л. Тульчинский

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И НАРРАТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ*

Тульчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16; профессор. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 190000, г. Санкт-Петербург, Галерная ул., д. 58–60; исследователь. Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Российская Федерация, 236016, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14; e-mail: gtul@mail.ru

В статье обосновываются перспективы философского осмысления истории как знания, нарративного по своей природе. Рассматриваются виды и уровни исторической наррации. Специальное внимание автор статьи уделяет особенностям концептуализации российской истории. Устойчивый характер исторических нарративов связан с ценностно-нормативными константами, выражающими особенности исторического опыта конкретного социума. Вместе с тем, с точки зрения автора статьи, важным становится определение факторов динамики исторических нарративов и порождаемой ими диахронии. Такие факторы связаны с контекстом формирования и трансляции исторического знания с участием в историческом осмыслении различных социальных групп. Задача философии истории в этой связи – выявление вопросов, на которые могут отвечать исторические объясняющие нарративы в контексте современных проблем, общих всему российскому социуму.

Ключевые слова: историческая память, история, культура, наррация, философия истории

Систематизация попыток философского осмысления истории – особенно такой, каковой является российская история – сложная, неоднозначная, извилистая, но имеющая некий внутренний стержень, вокруг которого она выстраивается, достойна самого серьезного внимания. Можно только приветствовать неослабевающий интерес отечественных философов к осмыслению отечественной истории. Так, принципиально важные вопросы отечественной

* Работа выполнена в рамках проекта «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках», грант РНФ № 18-18-00442.

философии истории – от особенностей ее постсоветского развития и специфики предмета до выявляемой устойчивой повторяемости российского исторического процесса – подняты в статье С.А. Никольского¹.

В кратком, но обстоятельном обзоре становления («возрождения») российской философии истории С.А. Никольский прежде всего связывает этот процесс с преодолением «единственно верного» формационного подхода, доминировавшего в советской философии, и открывшимся интересом к наследию отечественной историософской традиции. Бесспорно, это так – применительно к российскому профессиональному философскому сообществу. Хотя не следует забывать, что и в советское время развивались нетривиальные историософские концепции в работах историков, этнографов, социологов. Достаточно вспомнить имена и работы А.Я. Гуревича, Д.С. Лихачева, Б.Ф. Поршнева, Л.Н. Гумилева, Г.С. Померанц. Да и А.С. Ахиезер, упоминаемый С.А. Никольским, подготовил свой фундаментальный трехтомник «Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) в советское время.

Не менее (а возможно, и принципиально) важным является еще одно обстоятельство, отмечаемое С.А. Никольским, – импульс, исходивший от исследований реального исторического процесса, в которых философы участвовали вместе с историками, социологами, экономистами, этнографами, географами. Я бы добавил еще и осмысление перестроечного и постперестроечного периодов развития страны – философы активно включились в эту рефлексию. Все эти материалы и выявили то, что, насколько понимаю, и является посылкой и предметом рассмотрения в статье С.А. Никольского – поиск не только характеристик российской истории, общих и отличных по отношению к другим странам, но и ее конструктивного содержания.

Но для дальнейшего рассмотрения надо сделать несколько общих замечаний о природе исторического знания, что позволит вести обсуждение вопросов о «константах» российской истории и природе исторического знания с единой точки зрения.

История как память и нарратив

Как на это неоднократно обращали внимание сами историки от Геродота до А. Тойнби и Х. Уайта, история – как хранилище социальной памяти – по своей сути нарративна, повествовательна. «Нарратив» – от латинского *narrare* (рассказывать). Наррация – дискурсивная практика развертывания сюжетов, то есть повествования о событиях в осмысленно выстроенной последовательности, имеющей начало, развитие и завершение (развязку). И классический образ истории как повествования, рассказа о прошлом прошел много этапов развития от устного предания и летописи до современного изощенного анализа, реконструкции и интерпретации прошлого.

В наррации ключевую роль играет финальная развязка, к ней стягиваются все сюжетные линии, образуя смысловую целостность. И именно знание итога, к которому идет повествование, отличает рассказчика и от персонажей, и от слушателей или читателей его рассказа. Поэтому исторические нарративы важны не только для самих историков. По словам Б. Дункана: «Чтобы сформировать... чувство единства с другими людьми, принадлежащими

¹ См.: Никольский С.А. Российская философия истории: опыт понимания // Филос. журн. / *Philosophy Journal*. 2018. Т. 11. № 4. С. 115–128.

к той же нации, необходимо, чтобы индивид мог отождествлять себя с разворачивающимся во времени нарративом», в котором данной нации «отводится центральная и позитивная роль»².

Такой подход переводит обсуждение философии истории и ее концептуализации в общий план порождения, выражения и функционирования гуманитарного знания, которое предстает системой трех типов наррации: (1) эмпирической фактологии, описаний, отвечающих на вопрос «что/кто?»; (2) прослеживания детерминаций, каузальных связей между фактами, отвечающих на вопрос «почему?»; (3) целевого контекста, отвечающего на вопрос «зачем?».

Все три уровня наррации имеют место и в других науках³ – вплоть до точных и естественных, где замысел, интенциональность, перформативность выносятся в целевой контекст исследования – его обоснования (актуальность, решаемая проблема, цели, задачи) и интерпретации результатов (их новизна, практическая значимость). Но в гуманитарном знании третий тип наррации непосредственно участвует в выстраивании предмета и содержания знания: интенциональность проявляется и у познающего субъекта, и у исследуемой предметности. «История» в переводе с древнегреческого – расспрашивание, исследование с помощью расспросов; фактически – расследование с помощью постановки вопросов, свидетельств, сопоставлений ответов⁴, включая работу с источниками, артефактами, данными археологии, их обработку с использованием не только гуманитарных, но и социальных, естественных и точных наук. В истории нельзя выхолащивать саму суть предмета – наличие и волю акторов, внутренних и внешних социальных сил. Именно это имели в виду Л. Толстой, а также Ф. Энгельс, говорившие об истории как «равнодействующей воли» – за всяким фактом или событием всегда может быть прослежен чей-то замысел – строящихся и реализуемых планов ряда акторов. Историческое знание – всегда интерпретация и даже конфликт интерпретаций, которые интегрируют фактологический и каузальные уровни объяснительной наррации, раскрывая происхождение явления, его смысл.

Устойчивое содержание исторических нарративов: ценностно-нормативные константы

В принципе, любая историческая наррация отличается относительной устойчивостью, что является ее необходимым качеством – как по предмету, так и по стилистике. Такая устойчивость является условием исторической связности, возможности прослеживания традиции в привязке к конкретному социуму. Речь идет о культуре – как системе порождения, отбора, хранения, трансляции и воспроизводства определенного опыта. А как показывают масштабные представительные исследования динамики культурных изменений, «культурное наследие удивительно устойчиво к изменениям»⁵.

² *Duncan Bell S.A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. No. 1. P. 63–81.*

³ *Galtung J. Methodology and Ideology. Vol. 1: Essays in Methodology. Copenhagen, 1977.*

⁴ В этом плане фигура историка (да и гуманитария) сродни дознавателю: изучение источников, фактов, документов, их экспертиза, выстраивание осмысленной картины происшедшего ранее, и – выявление мотивов, ответственности (в духе финального разьяснения Шерлока Холмса, Эркюля Пуаро, мисс Марпл).

⁵ См.: *Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М., 2018. С. 33; Культура имеет значение. М., 2002.*

Тут мы подбираемся к главному нерву статьи С.А. Никольского – теме «констант общественного бытия», которые задают характер его собственного развития, а также тип и характер его взаимосвязи с географической средой и другими сообществами.

Действительно, давно замечено, что круг проблем и перспектив развития России оказывается связанным со спецификой ценностей и норм, доминирующих в российском обществе, определяющих на протяжении столетий политический строй, поведение людей, отношения между ними, мотивации, оценки, переживания. Эти установки выражают миропонимание, оправдывающее и благословлявшее взлеты, катастрофы, прочие извивы российской истории и продолжающее это делать. Константы общественного бытия, согласно С.А. Никольскому, суть особого типа детерминации, проявляющиеся в общественно-политическом процессе: с одной стороны – в национальном характере, с другой – в устойчивом характере российской общественной жизни.

Примером, которому С.А. Никольский уделяет специальное внимание, является знаменитая «уваровская триада», высказанная в 1832 г. графом С.С. Уваровым концепция о том, что народное просвещение должно согласоваться с истинно русскими началами Православия, Самодержавия и Народности. Пример это яркий, по крайней мере, достойный смыслового разворачивания его афористической емкости.

С.А. Никольский подчеркивает особую роль связки «империя – самодержавие – собственность/бессобственность»⁶. В этом едином сложившемся механизме империя требует самодержавия, а способом его постоянного воспроизводства является наделение/лишение подданных собственности (включая и собственность на них самих). Такой механизм давно сделался тормозящим развитие анахронизмом, и потому время от времени власть пытается его изменить. Однако и опыт александровских реформ, и советский опыт, и реформы 1990-х показывают, как этот механизм, активировавшись для изменения, возвращается к самому себе. В этом плане С.А. Никольским предложена важная операционализация концепта «власти-собственности», того, что К. Маркс называл азиатским способом производства.

С.А. Никольский абсолютно справедливо замечает о неоднозначности Народности, что, по его мнению, заслуживает особого разговора. Хотелось бы высказать несколько соображений по этому поводу – тем более что автором данного текста с 1980-х гг. также ведется анализ и обобщение устойчивых ценностно-нормативных комплексов российской культуры⁷. О Народности можно говорить в двух планах: как об особенностях национального характера (пресловутой «ментальности») и как об особенностях отношения «народ-власть» в российском историческом опыте.

Что касается народного характера, то упомянутый анализ на материале мифологии, фольклора, особенностей русского православия, художественной культуры (особенно литературы), философии, политической и экономической истории позволяет выделить следующие основные комплексы смысловой наррации:

– *Правда как справедливость, нравственный максимализм* – готовность нравственной личности пострадать за правду. При этом «благодать выше закона», «главное, чтобы человек был хороший».

⁶ См. также: Никольский С.А. Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. М., 2017.

⁷ Подробнее см.: Тульчинский Г.Л. Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. СПб., 2018. С. 59–99.

– *Творчество, чудо*. В отличие от систематического труда, не способного обеспечить лучшую жизнь⁸, ценностью является творчество – единовременный акт сродни чуду творения усилием воли, сразу, из ничего.

– *Эсхатологизм*. Этот мир и его проявления (здоровье, труд, собственность, своя и чужая жизнь, право как их гарантия) – юдоль страдания, нравственного испытания и предуготовления к жизни «иной». Отсюда постоянный российский спор с историей.

– *Всеединство*. Личностная индивидуальность выступает элементом, средством реализации и воплощения общности («всеединства», «соборности», «симфонической личности», «всяк за всех в ответе» и т. п.)⁹.

– *«Истина и красота»*. От выбора религии Владимиром до «Поэт в России – больше, чем поэт» тождество истины и красоты породило эстетизм в российской историософии – когда в истории ищется особая законченная сюжетность¹⁰.

Нетрудно заметить, что эти смысловые комплексы дополняют и подкрепляют друг друга, образуя удивительно целостное смысловое пространство, с очень напряженным нравственным чувством, что выражается в глубоко противоречивом отношении между властью и народом. Нравственный максимализм и страстотерпение в применении к власти приводят к ультрапарадоксальному единству взаимоисключающих характеристик. Народ в обыденном и литературном дискурсе фигурирует как носитель нравственных начал, но – не хозяин собственной жизни. Он активен «в ответ» на действие внешних ему сил, включая, как ни удивительно, власть, для которой народ – материал и средство реализации властной воли. Власть чужда народу и одновременно непререкаемо сакральна, предмет искреннего поклонения. «Сама по себе власть, по крайней мере власть самодержавная, – это нечто, находящееся либо вне человеческого мира, либо ниже его, но во всяком случае в него как бы и не входящее. Благословение здесь очень трудно отделить от проклятия»¹¹, – писал С.С. Аверинцев.

Нельзя не заметить, что эта нравственная почва оказалась чрезвычайно благодатной для восприятия идеи коммунизма, общества, построение которого требует высочайшего напряжения нравственных и физических сил, личного самоотвержения и самопожертвования, с инструменталистским отношением к закону.

Как уже отмечалось, устойчивая специфичность осмысления исторического опыта характерна истории любого социума. Однако выражаться она может в различной степени. Для некоторых обществ характерна явно выраженная инерционность реализуемого опыта, для других характерна динамика¹². И для философского осмысления особый интерес представляет вопрос о причинах таких различий, факторов, их определяющих.

⁸ В славянской мифологии нет культурного героя, научившего труду, а в русской поэзии нет титульного поэта, воспевшего труд.

⁹ Эта идея распространяется на мир в целом, что создало, например, предпосылки возникновения и развития философии русского космизма.

¹⁰ Исупов К.Г. Русская эстетика истории. СПб., 1992.

¹¹ Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 9. С. 235.

¹² Так, например, многими (от К. Маркса и М. Вебера до А.С. Панарина и Ю.В. Попкова) акцентируется динамизм социумов Западной Европы и Севера Америки, первыми вступивших в модерн, – в противопоставлении инерционно-традиционному миру Евразии.

Наррация матричности особого пути

К настоящему времени накоплены основывающиеся на обширном историческом материале глубокие обстоятельные исследования этой российской специфики. Опираясь на анализ формирования и развития российской политической культуры и государственности Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов предложили концепцию «русской системы»¹³. С.Г. Кордонский анализировал российскую государственную систему как административные рынки кормлений¹⁴. А.П. Давыдов в результате тщательного многолетнего масштабного анализа содержания классической и новейшей русской литературы пришел к весьма неоднозначным выводам относительно ценностного содержания российской культуры¹⁵.

В этих исследованиях, при всем различии используемого материала и подходов, просматриваются общие существенные особенности российского социума, отмеченные С.А. Никольским. Во-первых, это уже упоминавшееся доминирование власти – как ключевого системообразующего фактора и актора. Во-вторых – вторичность экономических отношений по отношению к властным: в России никогда собственность не рождала власть, наоборот – всегда власть порождала собственность и постоянно ее переделывала. Только за последние два столетия страна пережила 5 таких радикальных переделов. В-третьих, это доминирование государственности над правами личности в правовой и нравственной культуре. В-четвертых, отторжение либеральных ценностей и перспектив модернизации капиталистического типа. В-пятых, попытки модернизации предстают исключительно переделами власти. В этом плане и «социалистическая революция», и становление СССР, и его крах – этапы саморазвертывания и самовосстановления этой весьма устойчивой системы.

Показательно, что очень разные исследователи – отечественные и зарубежные (А.С. Ахиезер, А.Л. Янов, В.М. Пашинский, А.П. Заостровцев, Р. Пайпс, С. Хедлунд, Г. Хофстеде) – фактически в одном ключе говорят о матричной структуре российской общественной жизни, способной к самовоспроизведению и реинкарнации в различных исторических обстоятельствах. Попытки изменения этой инерционной системы оказываются кратковременными и завершаются уже длительными периодами ее воспроизводства. В эту же схему вписывается и маятник западничества-славянофильства, европеизма-ориентализма, либерализма-изоляционизма¹⁶.

Справедливости ради, следует отметить, что подобные «маятники» раскачиваются в любом обществе, включая и стабильные либеральные демократии¹⁷. Но амплитуда этих «качелей» на порядок меньше, чем в России, и задается она более конкретными (часто «техническими») проблемами: банковский процент, налоги, размер «вэлфера», миграционная политика и т. п. Она

¹³ Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // ПолИс. 2001. № 4. С. 37–48.

¹⁴ Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2006; Кордонский С.Г. Россия: поместная федерация. М., 2010.

¹⁵ См. итоговую обобщающую публикацию: Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. М., 2012.

¹⁶ Подробнее см.: Тульчинский Г.Л. Осмысление российских модернизационных инверсий: от А. Ахиезера к С. Хедлунду // Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь? СПб., 2017. С. 69–90.

¹⁷ Зедльмайр Х. Утрага середины. М., 2008.

не затрагивает правовых гарантий собственности, не сопровождается радикальной сменой политической и бизнес-элит, а оппозиция активно участвует в политическом диалоге. В России же эта амплитуда чрезвычайно размашиста – вплоть до экспроприации собственности, радикальной смены элит.

На современном историософском и политологическом жаргоне это означает «колею», предзаданность «особого пути». Большинство упомянутых исследователей связывают возникновение этой системы с двухсотлетним господством Орды, оказавшим влияние на становление Московского княжества, его выделение из Великого княжества Владимирского и дальнейшее бурное экстенсивное развитие, перешедшее в экспансию Российской Империи и СССР¹⁸.

Во всех этих случаях речь идет о нарративной структуре синхронии, вытесняющей диахронию из истории. К этому можно относиться по-разному. Некоторые авторы оптимистически расценивают перспективы «российской матрицы». Так, О.Э. Бессонова разрабатывает концепцию «раздаточной экономики» и пути ее интеграции с рыночной¹⁹. С.Г. Кирдина разрабатывает концепцию двух устойчивых «институциональных матриц» (исторически сложившихся триплексов базовых институтов экономики, политики и идеологии) развития общества²⁰. Первая – распределительная экономика, иерархически выстроенная административная система управления, холистически-коммунитарная идеология – свойственна России, большинству стран Азии, Латинской Америки. Странам Западной Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии свойственна другая матрица – с частной собственностью и рыночной экономикой, многопартийной демократией и развитой правовой культурой, дискретно-индивидуальной свободой²¹. А сторонники концепций, выработанных преимущественно на материале стабильно развивающихся экономических систем и обществ, характеризуют Россию как «заповедник патологий», педалируя темы «особого российского пути», «колеи», российской «цивилизационной альтернативы» – и все это как следствие отсутствия в России полноценной социально-политической науки, которую якобы подменяют ненаучные общие доморощенные суждения, описания и обзоры²².

Не вдаваясь в детальное обсуждение нарративов «особого пути» и «колеи», следует отметить, что уязвимость этой концепции (включая ее представленность в статье С.А. Никольского) состоит в констатации некоей «изначальности», не принимающей во внимание факторы динамики исторического опыта. Поэтому тем более необходимым представляется историософский поиск контекста, в котором представления о предмете философии истории могут выйти к более широкому горизонту. И нарративный подход, похоже, такие возможности предоставляет.

¹⁸ Это позволяет иногда не только выделять «московский» этап в истории российской государственности, но начинать ее отсчет именно с этого этапа, говоря о «матрице Московии».

¹⁹ Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М., 2015.

²⁰ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е. М.; СПб., 2014.

²¹ Это близко идее общественных систем с институтами ограниченного и неограниченного доступа к ресурсам. См.: Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М., 2011.

²² Гельман В.Я. Наука без исследований: есть ли выход из тупика? // Троицкий вариант – наука. 2014. № 6(150). С. 7.

Роль настоящего как «точки сборки» исторического нарратива

Как уже говорилось, смысл исторического нарратива задается фокусом знания «финальной развязки», которым является настоящее как «точка сборки» повествования. Это афористически выразил Д. Оруэлл в своей антиутопии «1984»: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим. Кто управляет настоящим, управляет прошлым». Если с первой частью этого афоризма полностью согласился бы столь ортодоксальный историк, как М.Н. Покровский²³, то вторая выражает радикальную смену представлений об историческом знании, представляющем не просто описанием событий «как это собственно было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen* Л. фон Ранке), а рассмотрением прошлого в плане «большой длительности» (*longue duree* Ф. Броделя), открывая его перманентное переформатирование – в соответствии с очередным этапом развития общества как «сдвигом финала» нарратива.

В этом плане всякая история суть история современная, выражающая не только современный уровень знаний с точки зрения методов их получения и формулировки, сколько именно понимание прошлого в контексте современности. Прошлое прошло. Оно не изменилось, но изменился наш мир, изменились мы, изменились наши представления, порождая историю, незнакомую людям и историкам прошлого. Исторические нарративы становятся более глубокими, конкретными и широкими одновременно. У историков эта парадигма получила название «презентизма»²⁴.

Поворот к торжествующему презентизму закономерен. Информационное постиндустриальное общество массового потребления – общество имманентного мировосприятия. Эта фаза развития цивилизации самодостаточна, замкнута на самую себя; не нуждаясь в других измерениях, она втягивает их в себя. Этот мир не нуждается также и в образе будущего. Помимо прочего, потому что боится потерять настоящее, а разнообразие вырабатывается за счет римейков, сиквелов, приквелов, сериалов, пародий, редимейда и прочей фрактализации настоящего и... прошлого – вплоть до «альтернативной истории». Все более явной становится социально-культурная и политическая ангажированность исторических нарративов. Студенты требуют переименовать университетское здание в Принстоне, носящее имя Вудро Вильсона, бывшего президента университета, президента США, потому что тот был расистом. В тот же ряд попадает и автор Декларации независимости, один из «отцов нации», третий президент – Томас Джефферсон, бывший рабовладельцем. Так что наши споры о Сталине, Петре I, Иване Грозном – вполне в тренде.

Факт современности: возможность научных работ, учебников, описывающих одни и те же эпохи с существенно различных позиций: национализма и либерализма, традиционализма с данью имперскости и анархизма, другими словами – возможность одновременного существования в многонациональном государстве различных исторических нарративов. Важно, что в этом процессе теперь участвуют не только историки, но и политики – практически весь политический класс, включая депутатов, чиновников, экспертов, журналистов. Все они участвуют в апелляции к прошлому, участвуют в его интерпретации, использовании. Изменения государственной символики, официальных ритуалов,

²³ «Знание прошлого дает нам... власть над будущим» (Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1934. С. 6).

²⁴ Курилла И. История, или Прошлое в настоящем. СПб., 2018.

содержания учебников и учебных программ, календаря памятных дат, отмена и учреждение общенациональных праздников – все это далеко не полный перечень переформатирований исторической памяти, политического использования истории в качестве исторической и символической политики²⁵.

Однако полномасштабно этот процесс ведется не только «сверху», но и «снизу». И это уже требует следующего шага в конкретизации нарративного понимания предмета политической философии.

Три режима диахронии исторических нарративов

Исследования показывают наличие трех уровней реализации исторического знания, каждому из которых свойствен свой временной ресурс динамики²⁶. На первом реализуются исторические нарративы, транслируемые медиа, искусством, культурными индустриями. На этом уровне историческое знание и историческая память изменяются с лагом до трех-пяти лет, что обусловлено динамикой политического курса, обстоятельствами внутренней и внешней политики, прочей текущей конъюнктурой. Второй уровень связан со сферой науки и образования, где исторические нарративы тоже меняются, но с лагом до пятнадцати-двадцати лет, что обусловлено их большей инерционностью – публикации, подготовки программ, учебников требуют времени, экспертизы. Наконец, третий уровень – наиболее устойчивый – связан с культурной памятью поколений, и лаг изменений составляет тридцать-пятьдесят лет, не менее двух-трех поколений.

Пересмотр, переоценка представлений о прошлом необходимы – меняется ситуация, расклад политических сил, одни интересы сменяют другие. Проводятся исследования, переписываются учебники, пересматриваются образовательные программы. Переосмыляется и личный, семейный опыт. История – дело не только историков и политиков. В формировании исторического знания участвуют не только они, а практически все акторы самого исторического процесса, реализуемого как единство их воли. И само историческое знание, его осмысление и переосмысление – также часть проявления их воли. И задача осмысления этого системного контекста – дело именно философии истории, несводимой к эпистемологии истории или рассмотрению ценностного содержания культуры исключительно.

Это открывает возможности не просто конфликтов интерпретаций, а все более полного и глубокого осмысления прошлого. Попутно можно говорить о своеобразном открытии в истории горизонта сослагательного наклонения, того, что могло бы быть, без учета которого осмысление и понимание прошедшего оказывается неполным.

Представляется, что для отечественной философии истории важно осмысление нескольких ключевых тем.

Прежде всего, это – согласование содержания и диахронии уровней исторической нарративации. Их рассогласование, противоречие порождает общества с «разорванной» культурно-исторической памятью. Примерами таких обществ до недавнего времени могли служить Алжир, Мексика, Турция, Россия, где творческими, научными и политическими элитами презентировались представ-

²⁵ См.: Историческая политика в XXI в. М., 2012; Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.

²⁶ Тульчинский Г.Л. Нарратив в символической политике: Уровни и диахрония // Символическая политика. Вып. 4: Социальное конструирование пространства. М., 2016. С. 65–83.

ления, существенно отличающиеся от традиционной культурно-исторической памяти или даже отвергающие содержание этой памяти. Не случайно в таких обществах предлагаемые элитой реформы и программы развития сталкиваются с серьезными проблемами и сопротивлением, предполагая дополнительные сверхусилия по консолидации общества, что сопровождается социальными конфликтами и даже насилием. Только общая историческая память обеспечивает широкий радиус доверия, выступая основой консолидации общества.

Кроме того, согласование оперативного, среднесрочного и долгосрочного процессов исторической наррации открывает перспективу кумулятивного эффекта «большого нарратива» отечественной истории, преодоления череды переименовывания городов, сноса памятников и т. п. С начала XXI в. буржуазная революция в России вступила в зрелую фазу. Думается, излишне напоминать, что нации – продукт модерна, когда на историческую арену выходят горожане – во всех европейских языках «гражданин» восходит к «горожанин» (Bürger, bourgeois, citizen, mieszczanin). А в современной России число горожан существенно превышает проживающих в сельской местности, появились владельцы недвижимости, бизнеса. И в нынешней России очевиден запрос на национальное самосознание. А это не просто пение гимна, ношение государственной символики. И будет обидно, если в формировании национального самосознания футбол сделает больше философии. В этой связи весьма показательна динамика современной российской политики исторической памяти, когда примерно с 2012 г. существенно изменилась символическая политика «сверху». Политическая элита заговорила нарративами третьего уровня, включая советский опыт живых поколений, что оказалось довольно неожиданно для научно-образовательной среды. И одновременно – поддержала идею гражданской идентичности, что оказалось не менее неожиданно для обыденного этнического понимания нации и сторонников этнофедерализма.

Заслуживает внимания конструктивное переосмысление роли и значения имперского исторического опыта, о чем справедливо замечает С.А. Никольский. Расширение горизонта осмысления с учетом реальной исторической динамики способно открыть конструктивное содержание и значение констант и «колеи» – не как тупика и стагнации, а именно как пути, история и перспектива которого у каждого социума в этом мире свои. И в таком контексте становятся ясными ошибки наших радикальных реформаторов – хотя бы в сравнении с опытом Японии, Сингапура, Кореи, Китая, Вьетнама.

Кроме того, важной задачей является обоснование необходимости и возможности коррекции перекоса наррации в сторону торжествующей героизации и гордости в ущерб скорби и забвению. Без такой рефлексии неизжитые исторические травмы постоянно возвращаются, о них напоминают пострадавшие и их потомки, что порождает напряжения и конфликты.

Бурные споры последнего времени о преподавании истории, сносе и постановке исторических памятников, оценке событий и деятелей прошлого (давнего и не очень), об исторических кинофильмах и телесериалах, стилистике празднования памятных дат – связаны с тем, что российское общество переживает активную фазу выработки «точки сборки» своего исторического нарратива, это споры о настоящем – кем мы хотим себя видеть сейчас, что для нас нынешних важно в нашем прошлом.

Новый опыт и вызов – привыкать иметь дело с различными точками зрения, интерпретациями и учиться выстраивать реальный диалог, нацеленный не столько на споры о прошлом, накачивающие обиды и рессентимент, а на решение общих насущных проблем в настоящем. А такой горизонт обще-

ственной дискуссии предполагает участие в ней философов. Без такой широкой дискуссии акцентированная погруженность в прошлое уводит от решения проблем настоящего, чревата утратой перспективы, будущего.

Поэтому задачей отечественной философии истории видится открытие более емкого, чем споры историков, горизонта, включающего историческое знание в контекст жизни общества, выявляя нетривиальную роль ученых и других акторов, их взаимодействие с институтами, интересами, социальными силами, реализующими исторический процесс.

Список литературы

Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С. 210–220; № 9. С. 227–339.

Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: РОССПЭН, 2015. 151 с.

Гельман В.Я. Наука без исследований: есть ли выход из тупика? // Троицкий вариант – наука. 2014. № 6(150). С. 7.

Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Мысль, 2012. 643 с.

Зедльмайр Х. Утрата середины. / Пер. с нем. С.С. Ванеяна. М.: Территория будущего, 2008. 640 с.

Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Пер. с англ. С.Л. Лопатиной. М.: Мысль, 2018. 347 с.

Историческая политика в XXI в. / Под. ред. А. Миллер и М. Липман. М.: НЛО, 2012. 646 с.

Исупов К.Г. Русская эстетика истории. СПб.: РХГИ, 1992. 160 с.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е, перераб. и расш. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.

Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006. 240 с.

Кордонский С.Г. Россия: поместная федерация. М.: Европа, 2010. 312 с.

Культура имеет значение / Под. ред. Л. Харрисон и С. Хантингтон; пер. с англ. А. Захарова. М.: МШПИ, 2002. 320 с.

Курилла И. История, или Прошлое в настоящем. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2018. 168 с.

Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015. 207 с.

Никольский С.А. Российская философия истории: опыт понимания // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2018. Т. 11. № 4. С. 115–128.

Никольский С.А. Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. М.: ИФ РАН, 2017. 126 с.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгафт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова и А. Расковой. М.: Ин-т Гайдара, 2011. 480 с.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // ПолИс. 2001. № 4. С. 37–48.

Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1 и 2. М.: Учпедгиз, 1934. 295 с.

Тульчинский Г.Л. Нарратив в символической политике: Уровни и диахрония // Символическая политика. Вып. 4: Социальное конструирование пространства / Ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН, 2016. С. 65–83.

Тульчинский Г.Л. Осмысление российских модернизационных инверсий: от А. Ахиезера к С. Хедлунду // Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь? / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: Леонтьевский центр, 2017. С. 69–90.

Тулчинский Г. Л. Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. СПб.: Алетейя, 2018. 294 с.

Duncan Bell S.A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // *British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54. No. 1. P. 63–81.

Galtung J. *Methodology and Ideology*. Vol. 1: Essays in Methodology. Copenhagen: Christian Ejlertsen, 1977. 271 p.

The philosophy of history and historical narratives of memory*

Grigori L. Tulchinskii

National Research University “Higher School of Economics”. 16 Soyuzna Pechatnikov Str., St. Petersburg, 190008, Russian Federation; Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 A. Nevskogo Str., Kaliningrad, 236016, Russian Federation; e-mail: gtul@mail.ru

The article establishes a number of perspectives for a philosophical interpretation of history as knowledge, which has a narrative character by its very nature. The schemes and levels of historical narration are considered. Special attention is paid to the specifics of the conceptualization of the Russian history. The stable nature of historical narratives is associated with value-normative constants, which express the features of the historical experience of a particular society. It is all the more important to reveal the factors of the dynamics of historical narratives and the diachrony generated by them. Such factors are associated with the context of the formation and translation of historical knowledge, with the participation in the historical comprehension of various social groups. The task of the philosophy of history is not so much to give answers regarding the past development of a society and to build generalizing narratives, but to identify the questions that historical explanatory narratives can answer in the context of contemporary problems common to the entire Russian society.

Keywords: culture, philosophy of history, history, narration

References

Averintsev, S. S. “Visantija i Rus’: dva tipa dukhovnosti” [Byzantium and Rus: two types of spirituality], *Novyj mir*, 1988, No. 7, pp. 210–220; No. 9, pp. 278–339. (In Russian)

Bessonova, O. E. *Rynok i razdatok dv rossijskoj matritse: ot konfrontatsii k integratsii* [The market and distribution in the Russian matrix: from confrontation to integration]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2015. 151 pp. (In Russian)

Davydov, A. P. *Nepoliticheskiy liberalism v Rossii* [Non-political liberalism in Russia]. Moscow: Mysl Publ., 2012. 643 pp. (In Russian)

Duncan Bell, S. A. “Mythscapes: memory, mythology, and national identity”, *British Journal of Sociology*, 2003, Vol. 54, No. 1, pp. 63–81.

Galtung, J. *Methodology and Ideology*, Vol. 1: Essays in Methodology. Copenhagen: Christian Ejlertsen, 1977. 271 pp.

Gelman, V. J. “Nauka bez issledovanij: est’ li vykhod iz tupika?” [Science without research: is there a way out of the impasse?], *Troitskij variant – nauka*, 2014, No. 6(150), p. 7. (In Russian)

Harrison, L. & Hantington, S. (eds.) *Kultura imeet znachenie* [Culture Matters], trans. by A. Zakharov. Moscow: MSPI Publ., 2002. 320 pp. (In Russian)

Inglehart, R. F. *Kulturnaja evolutsija. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution. People’s Motivations are Changing, and Reshaping the World], trans. by S. L. Lopatina. Moscow: Mysl Publ., 2018. 347 pp. (In Russian)

* The article is part of the project “Meaning formation and contextualization mechanisms in social narratives and performative discourses and practices”, RNF grant № 18-18-00442

Ispov, K. G. *Russkaja estetika istorii* [Russian aesthetics of history]. St. Petersburg: RKhGI Publ., 1992. 160 pp. (In Russian)

Kirdina, S. G. *Institutsionalnye matritsy i razvitije Rossii. Vvedenie v X-Y teoriju* [Institutional matrices and the development of Russia. Introduction to the X-Y theory], 3rd ed. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2014. 468 pp. (In Russian)

Kordonsky, S. G. *Rynki vlasti: administratovnye rynki v SSSR i Rossii* [Power markets: Administrative markets of the USSR and Russia]. Moscow: OGI Publ., 2006. 240 pp. (In Russian)

Kordonsky, S. G. *Rossia: pomastnaja federatsija* [Russia: The estate Federation]. Moscow: Evropa Publ., 2010. 312 pp. (In Russian)

Kurilla, I. *Istorija, ili Proshloe v nastojastshem* [History, or Past in the present]. St. Petersburg: European Univ. Publ., 2018. 168 pp. (In Russian)

Malinova, O. Y. *Aktualnoe proshloe: simvolicheskaja politika vlastvujstshej elity I dilemmy rossijskoj identichnosti* [Actual past: the symbolic policy of the ruling elite and the dilemma of Russian identity]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2015. 207 pp. (In Russian)

Miller, A. & Lipman, M. (eds.) *Istoricheskaja politika v XXI veke* [Historical politics in the 21st century]. Moscow: NLO Publ., 2012. 646 pp. (In Russian)

Nikolsky, S. A. "Rossiiskaya filosofiya istorii: opyt ponimaniya" [Russian philosophy of history], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2018, Vol. 11, No. 4, pp. 115–128.

Nikolsky, S. A. *Imperia i kultura. Filofsco-literaturnoe osmyslenie Oktjabrja* [Empire and culture. Philosophical and literary interpretation of October]. Moscow: IPh RAS Publ., 2017. 126 pp. (In Russian)

North, D. C., Wallis, J. & Weingast, B. R. *Nasilie i sicialnye porjadki. Kontseptualnye ramki dlja interpretatsii pismennoj istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History], trans. by D. Uslander, M. Markov, D. Raskov and E. Raskova. Moscow: Gajdar Inst. Publ., 2011. 480 pp. (In Russian)

Pivivarov, Y. S. & Fursov, A. I. "'Russkaja Sistema' kak popytka ponimaniya russkoj istorii" ['Russian system' as an attempt to understand Russian history], *Polis*, 2001, No. 4, pp. 37–48. (In Russian)

Pokrovsky, M. N. *Russkaja istorija v samom szhatom vide* [Russian history in the most concise essay], Pt. 1 and 2. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1934. 295 pp. (In Russian)

Sedlmayr, H. *Utrata serediny* [Verlust der Mitte], trans. by S.S. Vanejan. Moscow: Territoria buduschego Publ., 2008. 640 pp. (In Russian)

Tulchinskii, G. L. "Narration v simvolicheskoi politike: urovni i diakhronija" [Narration in symbolic politics: levels and diachrony], *Simvolicheskaja politika*, 2016, Vol. 4, pp. 65–83. (In Russian)

Tulchinskii, G. L. "Osmyslenie rossijskikh modernizatsionnykh inversij: ot A. Akhiezer a S. Khedlundu" [Understanding of Russian modernization inversions: from A. Akhiezer to S. Hedlund], *Rossia 1917–2017: Evropejskaja modernizatsija ili osobyj put'?* [Russia 1917–2017: European Modernization or Sonderweg?], ed. by A.P. Zaostrovsev. St. Petersburg: Leont'evskij tsentr Publ., 2017, pp. 69–90. (In Russian)

Tulchinskii, G. L. *Politicheskaja kul'tura Rossii: istochniki, uroki, perspektivy* [Russian political culture: sources, lessons, perspectives]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2018. 294 pp. (In Russian)